

*Soda
Press*

Александра Бодрова, Ольга Васепова, Надежда Долгова,
Анна Кавалли, Мария Кори, Диана Кулманакова, Надежда Ларионова,
Марина Лимонова, Лиза Менькова, Александра Назарова,
Ольга Огнева, Динара Санжапова, Мария Сапожникова

нехороший дом

SODA PRESS

Москва, 2027

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Н58

НЕХОРОШИЙ ДОМ

Авторы: Александра Бодрова, Ольга Васепова, Надежда Долгова,
Анна Кавалли, Мария Кори, Диана Кулмананова, Надежда Ларионова,
Марина Лимонова, Лиза Менькова, Александра Назарова, Ольга Огнева,
Динара Санжапова, Мария Сапожникова

Книга издана с согласия авторов. Все права защищены.
Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе
на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме
для частного или публичного использования
возможны только с разрешения правообладателя.

Н58 Нехороший дом : [сборник] / А. Кавалли, М. Лимонова, Н. Долгова и др. —
Москва : Soda Press ; Эксмо, 2027. — 224 с.

ISBN 978-5-04-250918-6

Проклятое наследство, нехорошие квартиры и дома, призраки, вампиры, двойники — все это есть в сборнике готических рассказов «Нехороший дом». Героини и герои рассказов пугаются и пугают, прячутся от кошмаров и сталкиваются со своими страхами.

Поиски себя, первая работа, переживание потери, сепарация от родителей, страх за близких людей и желание защитить тех, кто дорог — каждый герой проживает трансформацию, подвергая сомнению все, что знал о себе и о мире.

Но главное: все это происходит в современной России.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© А. Бодрова, О. Васепова, Н. Долгова,
А. Кавалли, М. Кори, Д. Кулмананова,
Н. Ларионова, М. Лимонова, Л. Менькова,
А. Назарова, О. Огнева, Д. Санжапова,
М. Сапожникова, 2026

Иллюстрация на обложке © maimaïron, 2026

© Издание, оформление.

ООО «Издательство Эксмо», 2027.

ISBN 978-5-04-250918-6

Soda Press

Анна Кавалли

Призрак замка Каттербахов

I

Жизнь на Марсе есть. Просто не такая, как многие думают. Если бы у Кати спросили, что значит быть пришельцем на Марсе, она бы ответила...

— Эва как расселась! Прямо императрица Екатерина Петровна. — Бабушка прошаркала в комнату, наполнила ее густым запахом сладкого чая с малиной. — А что это мы тут впотьмах сидим, что обед не кушаем? Я тебе макарончики с песком сварганила.

— С сахаром, ба. — Катя закатила глаза. — Никто не говорит «с песком».

— Как это никто? А я что же? — Бабушка сощурилась. — Постой-ка, ты что же это, матку ждешь?

Лицо ее вдруг потускнело, осунулось. Катя разозлилась.

— Мама приедет, ясно? Она обещала, сегодня же... — Слова «мой день рождения» застряли в горле. Катя закрыла дневник, заперла на ключ — золотой, крохотный, с полмизинца — и пошла на кухню. Макароны и правда дымились на столе, золотисто сверкали сахаром. Катя взяла вилку,

повертела в руках. И все-таки что бы она ответила, если бы у нее спросили, каково быть марсианкой?

Бабушка учила, что у всего есть светлая и темная сторона. Катя искала светлую сторону своей новой, марсианской жизни, честно искала, но так и не нашла. По правде говоря, она бы отдала и Марс, и другие планеты Солнечной системы за приезд мамы.

Часы показывали час дня. Мама говорила, что будет к одиннадцати.

Катя подперла щеку рукой. Первые декабрьские дни выдались морозными, на окне расцвели снежные узоры, засверкали празднично сахарной глазурью. Только вот внутри у Кати было темно-темно, что хотелось рыдать. Но глаза, как назло, оставались сухими. Видно, в десять Катя совсем разучилась плакать.

А может, просто забыла слезы, все-все, до самой последней, самой крошечной слезинки, у мамы, когда уезжала от нее навсегда. На-все-гда. Смешное слово. Какое-то ненастоящее. Как это можно что-то сделать навсегда, когда даже жизнь — и та ничего общего с этим глупым «всегда» не имеет?

Скрипнула дверь, пахнуло колючим морозом.

— Что это вы с бабулей в разных комнатах сидите? — Егор появился на пороге кухни, прислонился к дверному косяку. — Опять поссорились? А торт кто есть будет, а? — Он поставил на стол пакет.

Старший брат был высоким, даже слишком высоким для своих семнадцати. Бабушка говорила, что он красивый, как артист, но Катя ей не верила. Она смотрела телевизор и видела, что никто на экране и рядом не стоял с Егором.

— Ни с кем я не ссорилась. Я жду маму, вот и все, — сказала Катя. — Приедет, тогда и торт будет.

Егор потемнел лицом:

— Маму? Серьезно?

— Да! — Катя вскинула голову. Она ненавидела, когда Егор смотрел на нее так — с жалостью, как на умирающего котенка. Ненавидела, ненавидела, ненавидела!

Но брат сделал еще хуже, потому что заговорил особым, мягким голосом — таким бабушка умоляла выпить лекарства, когда Катя тяжело заболела:

— Ты пойми, мама просто человек такой. Организовала тут, у бабули, свалку ненужных детей. Сначала меня сюда отправила, теперь те...

— Неправда! — Катя вскочила, опрокинула тарелку с макаронами. Случайно, конечно, но стыдно стало так, будто нарочно. Осколки разлетелись по всей кухне, из комнаты заохала бабушка.

— Неправда, — повторила Катя шепотом. Слова брата жгли изнутри, не давали дышать, хотелось передать боль обратно, перекинуть, как мячик. — Может, это ты маме не нужен. — Катя посмотрела на Егора. — А я — другое дело.

Брат вздрогнул, будто от удара:

— Знаешь, что такое семья?

— Мне уже двенадцать! Я не глупая! — Катя топнула ногой.

— Да не в уме дело. Ты всю жизнь прожила с мамой, а она... — Он осекся. — Так вот, семья — это те, кто тебя любит не за что-то, а просто так. Те, кто готов быть с тобой здесь и сейчас. — А потом развернулся, бросил: — Буду поздно, ба, мозги проветрить надо. — И ушел.

В доме стало тихо. Пакет с тортом так и остался стоять на столе. Сквозь пластиковую упаковку горела красным надпись: «Еще один год на Марсе! Поздравляю!» Это была их

шутка, только их с братом. Катя закрыла лицо ладонями. Заплакать бы навзрыд, так, чтобы все плохое и страшное ушло со слезами.

Но не вышло.

* * *

Ночь накрыла Торжок густой темнотой, а Егор так и не вернулся. Катя просидела до позднего вечера в комнате, бабушка — на кухне, смотрела телевизор. Мама не отвечала ни на звонки, ни на эсмэски. Это был самый неденьрожденческий день рождения из всех.

Лучший праздник случился, когда Кате было пять. Тогда она впервые увидела Егора. Тогда Катя еще жила на своей планете. Она всегда знала, что у нее есть брат. Мама говорила, что он «неуправляемый», «сложный», «непослушный». Что она с ним «намаялась» — Катя тогда не поняла, при чем тут май. Что Егор «не ребенок, а бесенок». Что его *пришлось* отдать.

Катя радовалась. Она совсем другая, а значит, мама никогда и никому ее не отдаст.

На Катины пять лет мама устроила праздник в кафе. Собрала подруг и своего тогдашнего «мужа» — на самом деле он был ей не муж, но она почему-то все равно так его называла. Катя надела платье в тон маминому — красное, как малиновое варенье. Или свежая ранка. Платье неприятно шуршало и сжимало шею тугим высоким воротничком, но мама улыбалась:

— Ты прямо Барби!

Катя улыбалась в ответ. Какая разница, что платье неудобное, главное — оно нравилось маме.

Когда официант вынес торт — малиновый, с пятью шоколадными мишками, — в кафе появились бабушка и Егор.

Катя, конечно, сначала не поняла, кто это. Бабушка подошла, подвела Егора и представилась. Сказала, адрес дала соседка мамы. Воцарилось молчание.

А потом мама разозлилась. Сказала бабушке, что без спросу не приезжают, и убежала плакать в туалет.

— Пойдем, взрослым не до нас, — шепнул Егор, помог Кате надеть куртку с шапкой и вывел на улицу.

— А ты откуда? — спросила она. Вопрос прозвучал глупо, невпопад, но Егор улыбнулся:

— С другой планеты. Тебе бы там вряд ли понравилось.

— Ты пришлец? — Катя раскрыла рот. Тогда она еще не умела выговаривать «пришелец», но знала, кто это. Мамин «муж» любил смотреть передачи про НЛО.

Егор не ответил, но Катя сразу его зауважала. У нее, значит, был не просто брат, а самый настоящий инопланетянин. Существо из другого мира!

Шел снег, белый и мягкий, они принялись лепить снеговика и болтать, как самые обычные земляне, и стало так хорошо и правильно, будто брат всегда был рядом. Будто он — лучшее, что с Катей случалось. Будто они один человек, по какой-то непонятной глупости разделенный надвое.

Ни мамины слезы, ни крики ее «мужа» — ничто не смогло испортить тот день рождения. А теперь? Зачем Катя поссорилась с братом? Сама себе испоганила день. Сама, сама, сама. Наверное, Катя все-таки тоже «не ребенок, а бесенок». Не заслужила праздника.

Поэтому мама и не приехала.

Время ужина прошло, а в животе урчало все неприятнее и громче. Катя вышла на кухню. Бабушка выключила телевизор.

— Эва кто пришел! Екатерина Петровна пожаловали. — И засмеялась, совсем не злобно, так, что Катя улыбнулась, а внутри потеплело. — Правильно сделала, что пришла. Нельзя же унывать-то вечный век. — Бабушка встала, засуетилась. — Сейчас накормим тебя... — Открыла холодильник. — Котлетки вот рыбные со вчера есть, пюре и...

— А можно торт? На ужин?

Бабушка посмотрела на Катю, нахмурилась, а потом вдруг подмигнула:

— А почему бы и не торт! Сегодня твой день, так что извольте, царица-матушка. — Достала торт, тот, который Егор принес, и разрезала. Кате достался кусок с «Ма». Ма как Марс, как мама, как куча других, куда более сложных и одинаково загадочных слов.

Темнота за окнами казалась живой. Рябила снежинками, как испорченный телевизор, приникала к окнам, заглядывала в дом. В Катю. Сложно объяснить, как это — заглянуть внутрь человека, да и вслух такое прозвучало бы глупо. Но Катя чувствовала, как законное черное ничто всматривается в нее, в самое сердце.

Вдруг темнота, как собака, чуяла, что Катя тут, в Торжке, чужая? Или, может, она знала что-то о Егоре, потому и смотрела так пристально? Обычно брат так не задерживался, даже когда злился. Что, если... Нет, прервала себя Катя, не надо думать о плохом, а то, как сказала бы бабушка, можно беду накликать.

— Ба, а расскажи сказку, — попросила она.

— Эва какая, то губы дует, то сказку ей подавай! Да и взрослая ты уже девка-то. — Даже когда бабушка пыталась казаться строгой, у нее это плохо получалось.

— Ну пожалуйста! — Катя взяла себе еще кусок торта. — А я чай свежий сделаю.

Бабушка поправила пояс из собачьей шерсти, уселась за стол.

— Ну, про что рассказать-то? — спросила.

Катя выдохнула, досчитала до трех и прошептала:

— Про завод.

Это слово она всегда произносила вполголоса. Завод Каттербахов стоял на берегу реки Тверцы в центре города, впрочем, от завода там было одно название. Так, руины красного кирпича, сводчатые и гулкие, и все. У Каттербахов собирались местные подростки и бездомные, ютились брошенные собаки. Катя про себя называла руины «замком». Заводы в ее представлении выглядели совсем иначе, в Москве так точно. Впрочем, здесь, на Марсе, все было чудным.

Сказка про завод у бабушки всегда звучала одинаково. Много-много лет назад семья Каттербахов купила землю в Торжке и переехала в эти края. Они жили дружно, все делали вместе, любили свое дело и друг друга, а потом грянула революция и закружили холодные ветра перемен, смели прежний уклад. Каттербахи все потеряли. Семья уехала в Германию, остались только молодой наследник, Альберт Каттербах, и его младшая сестра Луиза.

— Почему они не последовали за остальными? — спросила Катя почему-то шепотом.

— Поди разбери, — вздохнула бабушка, — Да только говорят, что место это, где завод стоит, зачарованное, в стародавние времена капище там было. Просто так от него не уедешь. Не всех оно, значит, отпустило. Альберта и Луизу себе оставило.

— И что с ними стало? — спросила Катя, хотя уже знала ответ. Вопрос был частью игры. Ритуала, где Катя каждый раз заново пугалась, а бабушка — пугала.

— Все бросили Каттербахов. Никто с ними знаться не хотел, больно знатные были да сытно жили слишком до семнадцатого года. Альберт умер от голода в 1924-м, а Луиза исчезла. Раз — и все, испарилась девка. Много слухов ходило. Одни говорили, сбежала, другие — утопилась. А моя matka, — бабушка понизила голос, — сказывала так: не выдержала Луиза смерти брата, она-то ее и испепелила.

— Как это? — Про испепеление Катя слышала впервые.

— А так это, — улыбнулась бабушка. — Горе-то — оно как пожар, сжигает дотла. Вот Луиза и сгорела. Обратилась призраком, поселилась в руинах отцовского завода, срослась с ними намертво, стала их душой и сердцем. Некоторые ходят к ней просить о чудесах всяких. Чьи-то желания она исполняет. Чьи-то — мимо себя пропускает. А бывает так, что в обмен на исполнение мечты забирает жизнь. Вот почему соваться в руины — себя не любить.

А зачем вообще себя любить, хотела сказать Катя, но промолчала. Как-то раз она уже спросила об этом, а бабушка расстроилась, даже слезу пустила. Потом, когда Катя ушла спать, они с Егором допоздна шептались на кухне про маму и ее «московское воспитание».

— Ну все. — Бабушка хлопнула себя по коленкам. — Вот и сказочке конец, как говорится. Вставайте, Екатери-на Петровна, и пожалуйста умываться. А я на кухне приберусь.

Катя сделала, как ей сказала бабушка. Пока она чистила зубы в ванной, по спине то и дело пробежал холодок. Кто-то будто смотрел на Катю. Кто-то невидимый. Кто-то, проникший в дом из царства законной темноты.

И этот кто-то вряд ли был Кате другом.

Ночью Катя не могла уснуть. Ждала Егора, смотрела в потолок и думала о маме.

Думала, думала, думала.

Мама учила Катю быть красивой. Красивой — это значит не есть на ночь, делить еду на хорошую и плохую, несмотря на то что хорошая — вся, как назло, скучная и пресная, а плохая — вкусная до слез.

Мама учила Катю нравиться другим, особенно — новым папам. Новые папы возникали раз в полгода, иногда — раз в год, если кто-нибудь из старых задерживался. За семь лет, что Катя себя помнила, она познакомилась с десятью маминными «любовями на всю жизнь». Чтобы нравиться новым папам, надо было притворяться, что ничего, совсем-совсем ничего не умеешь.

Не умеешь открывать пакеты с молоком и банки со сгущенкой, например. Зачем, спрашивала Катя, а мама вздыхала:

— Потому что, если будешь собой, никто тебя не полюбит, дурочка. Так наш мир устроен.

Словом, мама учила Катю быть кем угодно, только не Катей.

Теперь, когда рядом были только бабушка и брат, все выученное, вымученное и вызубренное стерлось, как дешевая позолота с пластмассовой короны, которую мама подарила на прошлый день рождения. Катя не знала себя. И не была уверена, что хотела узнавать.

Может, если бы она старалась еще лучше, то мама бы ее не отвезла к бабушке?

Об этом попросил новый папа, одиннадцатый по счету. Сказал, что ему нужна «женщина, а не разведенка с при-

цепом» и «чужих отпрысков пусть тупые олени воспитывают». Катя пошутила, что была бы не против, если бы ее воспитали олени, да и тупыми, судя по «Бэмби», их было не назвать. Новый папа разозлился.

Утром мама отвезла Катю к бабушке. Это случилось в конце августа. Мама обещала, что это временно, на пару недель. Пара недель растянулась до начала декабря. Катя ходила в новую школу и жила своей новой марсианской жизнью — даже иногда делала вид, что она ей нравится, — а мама так и не вернулась.

Ночью, когда Катя все-таки уснула, она наконец явилась. С ног до головы в красном, под руку с новым папой, мама шла мимо дома бабушки. Катя кричала ей из окна, стучала в стекла.

Мама не слышала.

II

— Вставай, Екатерина Петровна! — От бабушкиных пальцев исходило сухое, шершавое тепло. Катя поморщилась и натянула одеяло на голову:

— Мне в школу не надо, я же на больничном. Забыла, ба?

— Да не в школе дело. Егорка пропал.

— Что? — Катя рывком села на кровати.

В сером утреннем свете лицо бабушки казалось осунувшимся.

— Я ночью шум услышала, думала, вернулся, сердечный наш, а нет, нет его. Телефон не берет. Куда делся, ума не приложу. Всегда домой приходил, а тут...

— Погоди, ба. — Катя вскочила, натянула джинсы поверх пижамных шорт. — Я сбегая... — Куда, она и сама не зна-

ла. — Словом, я его поищу, хорошо? Ты, главное, не волнуйся. Капли свои выпей, чай согрей, а я мигом.

Пальцы дрожали, свитер дважды упал на пол. Катя натянула сапоги, красные куртку и шапку, приговаривала: «Все будет хорошо». Бабушка молчала, впервые молчала так тяжело и страшно, и казалось, беда уже пришла в их дом.

Просто Катя пока не знала какая.

* * *

Ночью началась оттепель. Асфальтовые дороги у дома обратились в черные зеркала. Растаявший лед скрыл неровности и трещины, и Торжка стало два: один — настоящий, привычно — инопланетно — чужой по эту сторону, и другой — призрачный и темный, куда темнее обычного. Вспомнилось лето, удушливый август, когда казалось, что Катя тут, в новой марсианской жизни, совсем ненадолго.

Тогда они с Егором каждую ночь рассказывали друг другу страшные истории. Садились в саду, включали фонарь на телефоне и играли в кто кого сильнее испугает. Егор всегда выигрывал. Особенно Кате запомнилась страшилка про пришельцев, похитивших девочку и заменивших ее на клон. Никто из родных не заметил подмены. После этой истории Катя не могла уснуть до рассвета. Ворочалась на кровати, липкой и жаркой от пота, и думала: если ее украдут и подменят инопланетяне, поймут ли Егор и бабушка, что она — не она?

Теперь эти страхи казались детскими и оттого отвратительными. Если бы инопланетяне пообещали Кате найти Егора живым и невредимым, а взамен украсть ее, может быть, она бы согласилась. Нет, не «может быть». А точно, сказала себе Катя.